

Митрополит Иларион: От нравственного выбора человека зависит ход истории и ее финал

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион дал интервью журналистам Первого телеканала, снимающим документальный фильм, который посвящен, в частности, взаимоотношениям России и Запада. По просьбе собеседников архипастырь осветил такие вопросы, как история отношений с Римско-Католической Церковью и протестантскими деноминациями, сотрудничество с христианскими общинами и межхристианскими организациями в сфере благотворительности и поддержки верующих во Христа, страдающих от притеснений и гонений в разных регионах мира, проблема терроризма, прикрывающегося псевдорелигиозными лозунгами. Владыка Иларион также остановился на теме эрозии нравственных норм в современном обществе и ее причинах.

– Как на сегодняшний день принято интерпретировать церковный раскол 1054 года? Как политический эксцесс или как экзистенциальный феномен?

– У истоков конфликта стоял спор об обрядовых различиях между Западной и Восточной Церквями. Различия эти существовали на протяжении всего первого тысячелетия христианской истории, но никогда не приводили к разрыву церковного единства. Непосредственным поводом к нему послужило распоряжение Константинопольского Патриарха Михаила Керуллария (1043-1058) о закрытии в Константинополе церковей и монастырей латинского обряда, совершавших Евхаристию на опресноках. Данное распоряжение явилось, в свою очередь, ответной мерой на притеснения греков в южных, хранивших византийскую традицию, провинциях Италии. Для разрешения данной ситуации Папа Лев IX (1049-1054) направил в Константинополь легатов во главе с кардиналом Гумбертом. Когда папские легаты еще находились в пути, Папа Лев скончался, и тем самым они как его личные посланцы автоматически утратили свои полномочия. Поэтому анафема Патриарху Михаилу Керулларию и «иже с ним», провозглашенная в булле, которую кардинал Гумберт 15 июля 1054 года возложил на алтарь Святой Софии, не имела никакой канонической силы. Анафема, которую, в свою очередь, Патриарх Константинопольский и его епископы в качестве ответного шага провозгласили на своем Синоде, касалась лишь легатов Римской Церкви лично. С формальной точки зрения, это столкновение Запада и Востока не должно было привести ни к прекращению общения между Восточной и Западной Церквями, ни даже к разделению между Римским и Константинопольским Патриархатами.

Поначалу могло показаться, что речь идет лишь об одном из многочисленных недоразумений,

время от времени возникавших в межцерковных отношениях. Однако впоследствии стало ясно, что столкновение между папскими легатами и Патриархом Константинопольским Михаилом Керулларием лишь обнаружило более глубокие противоречия и разногласия в отношениях между двумя Церквами, которые назревали в течение предшествующих веков и привели, наконец, к Великой Схизме. Разграбление Константинополя крестоносцами в 1204 году, воочию показавшее, что католические рыцари уже не считали православных своими братьями по вере, окончательно утвердило разделение.

– Кроме Filioque, были ли на тот момент какие-либо серьезные расхождения в нравственной сфере у Западной и Восточной Церквей?

К подлинным причинам разрыва отношений между двумя частями христианского мира следует отнести особенности богословского, культурного и политического характера, которыми было отмечено развитие, прежде всего, западного христианства. Его ориентированность, главным образом, на наследие латинской культуры и слабое знакомство с греческим языком и богословием греческих Отцов Церкви привело к возобладанию в западном богословии тринитарных воззрений блаженного Августина и других латинских отцов с их учением об исхождении Святого Духа «и от Сына» (Filioque). Включение этих слов в Никео-Цареградский Символ веры сначала в Испании в VII веке, а с 1014 года – и в Риме негативно воспринималось на Востоке, особенно после Патриарха Фотия, писавшего против Filioque.

В области экклезиологии дух римского права, а также теория блаженного Августина об извечной борьбе «двух градов» – небесного и земного, Церкви и государства – способствовали формированию на Западе слишком юридического представления о природе Церкви и церковной власти. Римский епископ воспринимался там уже не только как первый среди равных в системе пяти Патриархатов, образовавших Вселенскую Церковь, – Римского, Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, но как верховный глава всей Церкви и викарий Христа, имеющий непосредственную власть над другими патриархами и светскими правителями. Речь здесь шла об уже иной, по сравнению с восточной, экклезиологической модели: если на Востоке утверждался принцип коллегиальности, соборности, высшим проявлением которого были Вселенские Соборы, то на Западе постепенно возобладал монархический принцип церковного управления.

Попытки Римских епископов, начиная с Папы Николая I (858-867), подчинить своему авторитету восточных Патриархов не могли не вызвать отрицательной реакции на Востоке. Конфликт 1054 года между Патриархом Михаилом Керулларием и папскими легатами стал еще одним частным проявлением противоречия между двумя экклезиологическими принципами.

– Как Восточная Церковь относилась к антипапам? Признавала ли Восточная Церковь Римских пап законными? Как относились на Востоке к реформаторам вроде Григория VII? Возможны ли были официальные контакты священнослужителей Восточных Церквей с антипапами?

– Даже после разрыва между Римом и Константинополем 1054 года никто на Востоке не подвергал сомнению законность епископов Римских, рассматривая произошедшую схизму как ненормальное и временное явление в межцерковных отношениях. Показательно, что при всех попытках восстановления единства византийские императоры и восточные иерархи имели дело только с законными Папами.

В 1073 году Папа Григорий VII (1073–1085) попытался нормализовать отношения с Константинопольским Патриархатом, для чего направил в Византию посольство во главе с Венецианским патриархом Домиником, а в Риме принял послов византийского императора монахов Фому и Николая. Однако прошедшие переговоры оказались безрезультатными, в т.ч. по причине послания Григория VII императору Михаилу VII Дуке, в котором Папа отстаивал идею о подчинении Римскому престолу Константинопольского Патриархата. При этом представители Восточной Церкви не вступали в контакты с антипапой Климентом III (1084 – 1100).

Реформы Григория VII, отстаивавшего независимость Церкви от светской власти, касались исключительно Западной Церкви и ее взаимоотношений с правителями Европы, а поэтому никак не касались христианского Востока.

Император Алексей I Комнин (1081–1118) вел переговоры по вопросу церковного единства с Папами Урбаном II (1088–1099), освятившим базилику святителя Николая в Бари, и его преемником Пасхалием II (1099–1118), а не с их современниками антипапами Климентом III и Сильвестром IV (1105–1111). Греческие епископы Южной Италии участвовали в соборе, созванном Урбаном II в Бари в 1098 году.

В 1438 году византийский император Иоанн VIII Палеолог и восточные иерархи обсуждали вопрос единства Церквей с законным Папой Евгением IV (1431–1447), а не с Базельским собором (1431 – 1449), противопоставившим себя Папе и избравшим последнего в истории антипапу Феликса V. Вместе с Папой Евгением IV представители Восточной Церкви провели Ферраро-Флорентийский собор (1438 – 1439).

– Как складывались у Православия отношения с протестантами?

– Отношения Православных Церквей с протестантами установились в XVI веке, сразу после

возникновения в Европе нового религиозного, политического и культурного явления – Реформации. И на протяжении пятивековой истории эти отношения складывались по-разному. Изложить эту историю коротко довольно сложно, поскольку она изобилует событиями, фактами, различными истолкованиями этих фактов в разные периоды времени и документами. Так что должен ограничиться только основными вехами.

Определенный интерес к «новым христианам» проявляли так называемые Восточные Патриархи – Константинопольские, Александрийские, Антиохийские и Иерусалимские, которые находились в то время в политической и гражданской зависимости от Османской империи и искали пути для укрепления своих позиций в мусульманском окружении и союзников в противостоянии Римско-Католической Церкви.

Уже первое знакомство с вероучительными протестантскими документами показало, что найти общие богословские позиции было бы чрезвычайно сложно. В результате появились первые православные документы с критикой лютеранства и кальвинизма. Известны, например, «ответы» Константинопольской Церкви, составленные от имени Патриарха Иеремии II (1530–1595) лютеранам (1576 и 1579), направившим ему для изучения свой основной вероучительный документ – «Аугсбургское исповедание». Этот Патриарх известен в России, прежде всего, тем, что в 1589 году он поставил первого Патриарха Московского и всея Руси Иова. Богословы знаменитого Тюбингенского университета вступили в полемику с Патриархом. Это был один из первых богословских диалогов с протестантами.

Одновременно в России царь Иоанн IV Васильевич Грозный открыл путь в страну купцам и множеству специалистов из европейских стран, в которых протестантизм уже успел занять ведущие позиции. Среди них были оружейники, архитекторы, художники, врачи и многие другие. Грозный интересовался их вероучением и даже вступал в богословские дискуссии. В частности, известен и письменно зафиксирован диспут царя с Яном Ракитой, который был одним из наиболее деятельных последователей учения Чешских братьев, живших в Польше; в ходе диспута Иоанн Грозный последовательно и достаточно аргументированно опровергает лютеранское понимание веры и церковной жизни.

С XVI до XIX века Православные Церкви, в основном, подвергали резкой критике протестантские учения всех направлений. Суммой такой критики является известное «Послание Патриархов Православной Кафолической Церкви о Православной вере», написанное, в основном, Патриархом Иерусалимским Досифеем и утвержденное четырьмя Восточными Патриархами – Константинопольским, Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским – на Константинопольском Соборе 1725 года. До сих пор это послание высоко ценится всеми Православными Церквями как важный вероучительный документ.

В конце XIX – начале XX века отношение к протестантам стало меняться. В России, в частности, в православных духовных академиях начали изучать протестантское богословие. Появилось множество книг и статей профессоров академий с анализом протестантских исповеданий, их истории и философии.

В XIX веке особые отношения сложились у православных с Англиканскими церквями – Церковью Англии и Епископальной церковью в США. В 1833 году в так называемой высокой Церкви Англии возникло Оксфордское движение. Оксфордские богословы создали концепцию единства христианской Церкви. Это не экуменизм в современном расширенном понимании этого слова, так как англиканские богословы признавали только Апостольские Церкви. Согласно «теории ветвей» (The Branch Theory), три апостольские церкви – католическая, православная, англиканская – словно ветви одного дерева, несмотря на внешние различия, незримо сохраняют единство Соборной Церкви. И только единство этих ветвей представляет всю полноту Церкви Христовой. Эта теория имеет множество сторонников среди англикан и по сей день. Православные богословы в свое время положили немало сил, опровергая эту теорию.

Оксфордское движение положило начало и тщательному изучению святоотеческого наследия, что способствовало их определенному сближению с Православием. Именно члены Оксфордского движения выступили с инициативой создания Ассоциации Восточных Церквей, что было осуществлено в 1863 году. Целью Ассоциации стало сближение англиканской и Православной Церквей (не исключались и Древние Восточные Церкви Востока). Тогда же возник и Греко-русский комитет, которому предстояло развивать отношения с Православными Церквями Греции и России. Такие же структуры возникли и в США среди членов Епископальной церкви.

Многое сделал для установления хороших дружеских отношений с епископами в Северной Америке Патриарх Московский и всея Руси Тихон во время своего служения там.

70-е годы XIX века стали временем диалога между англиканами, православными и старокатоликами. После Ватиканского собора 1870 года, провозгласившего догмат о непогрешимости Папы, от Римской Церкви отделились старокатолики, не принявшие нововведения. С другой стороны, новые догматы Католической Церкви совершенно расстроили планы тех англикан, которые стремились к союзу с Римом. И англикане, и старокатолики обратились к православным. Первые – чтобы продолжить диалог, вторые – чтобы положить начало переговорам об объединении. В 1871, 1874 и 1875 годах представителями трех Церквей были проведены так называемые Боннские конференции, на которых обсуждалась возможность совместного противостояния католикам и вопросы сближения этих трех исповеданий.

Православные богословы из России также приняли участие во всех трех конференциях. Среди прочих там ставился вопрос о действительности англиканских рукоположений. И эта тема оставалась основной в диалоге православных с англиканами более столетия.

В 20-30-х годах XX века действительность англиканских рукоположений была признана Константинопольским и Александрийским Патриархатами, Церквами Румынии и Болгарии. Московский Патриархат занял по этому вопросу выжидательную позицию, которая оказалась оправданной. Церковь Англии приняла церковный закон о допуске женщин к рукоположению в священническое достоинство в 1992 году и о епископском служении женщин – в 2015-м. После этих решений говорить с Церковью Англии об апостольском преемстве не имеет смысла.

Начало XX века ознаменовалось рождением международного экуменического движения в протестантской среде. Русская Православная Церковь уже имела опыт общения с англиканами, старокатоликами и лютеранами и относилась к идее сближения христиан сочувственно. В 1913 году в работе комиссии по организации движения «Вера и устройство» принял участие священномученик протоиерей Александр Хотовицкий. В 1917 году в Москву приезжал один из вдохновителей экуменического движения Джон Мотт, который встречался с митрополитом Московским Тихоном (будущим Патриархом Московским и всея Руси) и обер-прокурором Львовым, от которого получил заверения в участии Русской Православной Церкви в будущей конференции «Веры и устройства», состоявшейся в 1927 году. В конференциях 1920, 1925, 1927 и 1937 годов участвовали представители русской диаспоры (иерархи и богословы), а немногие оставшиеся на свободе иерархи в России, конечно же, не могли никуда выехать. Представители нашей Церкви из СССР не участвовали в первой всемирной ассамблее в Амстердаме в 1948 году, на которой был создан Всемирный совет церквей.

В том же году в Москве проходило Совецание глав и представителей автокефальных Православных Церквей, которое резко отрицательно отнеслось к экуменическому движению, хотя в ее работе приняли участие иерархи различных Православных Церквей, которые приняли приглашение прибыть в Амстердам. Однако Московское совещание 1948 года не было окончательным разрывом с движением. Наша Церковь внимательно следила за развитием и внутренней эволюцией ВСЦ, была в контакте и переписке с богословами и экуменическими деятелями русского зарубежья, с Православными Церквами-Сестрами – членами ВСЦ.

Формированию в нашей Церкви положительного отношения к Всемирному совету церквей способствовала и его эволюция от первоначальной прозападной и пропротестантской односторонности в направлении более сбалансированных и объективных отношений между Западом и Востоком. К тому же в богословском плане Совет стал уделять много внимания разработке нового, тринитарного Базиса, более ясному определению единства Церкви в вере и

основах канонического устройства с усилением элементов кафоличности и церковности. Это позволило нашей Церкви пойти навстречу пожеланиям Православных Церквей, бывших уже членами ВСЦ, и обсудить вопрос о нашем членстве.

В 1961 году на III Ассамблее ВСЦ в Нью-Дели наша Церковь после тридцатилетнего перерыва вернулась в экуменическое движение, став членом ВСЦ вместе со всеми Православными Церквами-Сестрами. Еще ранее она стала одним из основателей Конференции европейских церквей.

Основным побудительным мотивом для вступления в диалог с инославием было стремление Русской Православной Церкви свидетельствовать истинную веру не только неверующим и язычникам, но и тем христианам, которые в разные эпохи по различным причинам отделились от тела церковного, но сохранили веру во Христа. Целью такого диалога являлось достижение единства всех христиан, заповеданного Самим Господом нашим Иисусом Христом, Который перед Своей крестной смертью молился о единстве Своих учеников: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17. 21). При этом православные участники никогда не допускали мысли о каком-либо компромиссе в вопросах веры и всегда мыслили единство христиан только как объединение их в лоне Православия. Сегодня, когда множество протестантских церквей избрали путь либерального развития, цель достижения христианского единства представляется, по меньшей мере, утопичной. Тем не менее, наша Церковь остается членом ВСЦ, поскольку задача свидетельства о Православии остается. Кроме того, за 70 лет участия Православных Церквей в работе ВСЦ заметно повлияло на работу совета в сторону уважения истинных христианских ценностей.

В 60-е годы прошлого века состоялись важные Всеправославные Совещания, принявшие решения начать богословские диалоги с основными протестантскими конфессиями: со старокатоликами, лютеранами, реформатами и англиканами. Диалоги с лютеранами и англиканами продолжаются до сего дня. Однако наша Церковь в октябре 2018 года **приостановила участие в этих диалогах**, поскольку делегацию Православной Церкви возглавляет иерарх Константинопольского Патриархата, с которым сегодня у нас нет евхаристического общения.

Русская Православная Церковь уже в послевоенное время вела активные двусторонние богословские диалоги. Среди них самые длительные два: с Евангелической церковью в Германии с 1959 года и с Евангелическо-лютеранской церковью Финляндии с 1970 года.

Ситуация во взаимоотношениях с протестантским миром стала резко меняться в конце 90-х годов. Большинство западных протестантских церквей избрали либеральный путь развития, который сопряжен с отказом от норм традиционной христианской нравственности и морали: церковное

«благословение» однополых союзов, рукоположение гомосексуалистов в пасторское и епископское достоинство. Эти церкви терпимы к абортам и согласны с «эвтаназией», что ставит под вопрос саму ценность человеческой жизни. Для нас, православных христиан, жизнь является драгоценным даром Божиим: «Дух Божий создал меня, и дыхание Вседержителя дало мне жизнь» (Иов 33. 4), и отнять ее – не в нашей власти.

На рубеже третьего тысячелетия были подведены некоторые итоги диалога с инославием и выработаны основные принципы, по которым такой диалог должен вестись в будущем. Основания, на которых строился и будет продолжен диалог Русской Православной Церкви с инославием, были изложены на Юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 году в документе под названием «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию». Там, в частности, излагается самопонимание нашей Церкви как истинной Церкви Христовой, созданной Самим Господом и Спасителем, обозначаются цели взаимоотношений с инославием как, во-первых, необходимость православного свидетельства инославному миру правой веры и, во-вторых, восстановление богозаповедного единства христиан через возвращение инославных к вероучению, устройению, нормам духовной жизни истинной Церкви Христовой.

Русская Православная Церковь, имея твердую, основанную на Священном Писании позицию, не может согласиться с отказом от христианской нравственности и вынуждена приостанавливать диалог на официальном уровне с либеральными церквями и сообществами, чтобы тем самым обратить внимание этих общин на наше принципиальное несогласие с нарушением апостольских заветов. Так, в 2003 году Русская Православная Церковь приостановила контакты с Епископальной церковью в США, а в 2005 году – с Церковью Швеции.

В 2008 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви заявил, что «будущее отношений со многими протестантскими общинами зависит от их верности нормам евангельской и апостольской нравственности, на протяжении многих веков хранимым христианами».

2 февраля 2010 года в **докладе на Архиерейском совещании в Храме Христа Спасителя** Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл осветил, в частности, тему взаимодействия с протестантами. «Сегодня, – отметил Предстоятель Русской Православной Церкви, – со всей очевидностью обнаружилось фундаментальное различие между Православием и протестантизмом, высветилась основная проблема, лежащая в его основе: Православие хранит норму апостольской веры и церковного устройства, как она запечатлена в Священном Предании Церкви, и видит своей задачей постоянную актуализацию этой нормы во имя осуществления пастырских и миссионерских задач. В протестантизме же во имя решения тех же самых задач допускается такое богословское развитие, которое реформирует саму эту норму. Очевидно, что поиски вероучительных консенсусов, как это было, например, в отношении крещения, Евхаристии

и служения (священства) в рамках многостороннего диалога, инициированного в свое время Всемирным советом церквей, теряют смысл, потому что любой консенсус может оказаться под угрозой быть разрушенным нововведением или толкованием, которые будут ставить под вопрос само значение этих соглашений».

Архиерейский Собор 2013 года под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла счел **«невозможным диалог с теми конфессиями, которые открыто попирают библейские нравственные нормы»**.

В 2015 году наша Церковь отказалась от поддержания официальных контактов с Церковью Шотландии и Объединенной протестантской церковью Франции.

Тем не менее, взаимоотношения Русской Православной Церкви с некоторыми протестантскими конфессиями продолжается. При этом необходимо подчеркнуть, что наш диалог с инославными сообществами не преследует цели какого-либо сближения в области вероучения. Он направлен на сохранение мира, справедливости и решение общих социальных задач. Русская Православная Церковь старается защитить право религиозных людей жить в соответствии с требованиями своей веры, помочь христианам противостоять давлению агрессивного секуляризма, пытающегося утвердить нерелигиозный стандарт общественной морали в качестве универсального.

Наша Церковь вынуждена была приостановить многолетний диалог с Евангелической церковью в Германии. Точнее, переформатировать его в конференции.

Такая же трудная ситуация сложилась с диалогом с Евангелическо-лютеранской церковью Финляндии. Но в 2016 году финские лютеране начали по-своему бороться с либерализмом. Собрание епископов Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии представило «Доклад относительно поправки к закону [Финляндской Республики] о браке», в котором утверждается, что, несмотря на изменения в государственном законодательстве, ЕЛЦФ и впредь будет венчать только те браки, которые соответствуют традиционному библейскому пониманию. И сейчас мы рассматриваем возможность восстановления богословского диалога с финскими лютеранами.

Русская Православная Церковь сохраняет членство во Всемирном совете церквей. В честь 70-летия со дня основания ВСЦ Святейший Патриарх Кирилл направил **приветствие генеральному секретарю Совета**, в котором отметил, что «Всемирный совет церквей много сделал для развития межконфессионального взаимодействия, достижения справедливости в обществе и мира между народами... Мы благодарны за твердую позицию, выраженную генеральным секретарем ВСЦ в его обращении к государственным властям Украины в защиту Украинской Православной Церкви, подвергающейся ныне дискриминации и преследованиям».

Наша Церковь поддерживает и развивает взаимоотношения с протестантскими общинами в России и в странах, которые ранее входили в состав Советского Союза. В те времена представители нашей Церкви регулярно участвовали в собраниях и ассамблеях в защиту мира вместе с баптистами, лютеранами и пятидесятниками, проживавшими тогда в огромной стране. И надо сказать, что личные отношения между нами были вполне дружескими. Мы все в равной степени подвергались притеснениям со стороны государства. В новое время было решено сохранить контакты с протестантами бывшего СССР, но на новых основаниях.

В 1993 году по инициативе Русской Православной Церкви для активизации межхристианского сотрудничества на постсоветском пространстве был создан Христианский межконфессиональный консультативный комитет (ХМКК). Он осуществляет постоянный диалог между христианскими конфессиями стран СНГ и Балтии, давая возможность выразить общее мнение по различным насущным вопросам. Необходимо отметить, что взгляды всех членов ХМКК на библейскую природу нравственности очень близки, что дает возможность представить обществу согласованную позицию христианских церквей по отношению к нравственным и семейным ценностям. Обращается Консультативный комитет и к обсуждению острых вопросов современности.

– Как складываются отношения между христианами сегодня?

– Отношения между христианами в современном мире обычно доброжелательные, несмотря на все трудности взаимоотношений между странами, которые существуют сегодня.

Есть сложности во взаимоотношениях между протестантами внутри самих протестантских конфессий – между либералами и консерваторами. Мы, со своей стороны, стараемся поддерживать взаимоотношения с теми протестантами, которые сохранили верность истинным христианским ценностям. Так, наша Церковь развивает отношения с новой, сформировавшейся всего пятнадцать лет назад Англиканской церковью в Северной Америке, члены которой в свое время покинули Епископальную церковь в США. Новая церковь осталась верна принципам христианской нравственности.

В Европе же такой путь практически невозможен. Если ты консерватор и пытаешься возражать против либеральных новшеств, то подвергнешься давлению: церковную пенсию не получишь, лишишься пасторского места и т.д. Конечно, такая ситуация накладывает определенные психологические ограничения на человека и его отношения с другими христианами. Подобные настроения в протестантском мире затрудняют общение между христианами различных конфессий.

Приходится свидетельствовать о том, что дифференциация внутри христианских церквей по этическому принципу приводит к их большему, чем когда-либо ранее в истории, разобщению, делает затруднительным совместное отстаивание общих прав и интересов верующих перед лицом нарастающей секуляризации общества. И теперь мы, христиане, не можем столь уверенно заявлять о своем моральном единстве, как делали это еще тридцать лет назад.

– На уровне нравственных установок в чем главное отличие Православия от католицизма и протестантизма?

– Нравственные установки у православных и католиков одинаковые, что и дает возможность успешного сотрудничества в разных областях: культуры, социальной работы, образования.

С протестантами сложнее. Как я уже сказал, в последние годы происходит «переосмысление» христианского нравственного учения рядом протестантских деноминаций, что привело к таким явлениям, как церковное «благословение» однополых союзов и рукоположение открытых гомосексуалистов в сан пастора и епископа. Эти церкви терпимы к абортам и согласны с «эвтаназией», что ставит под вопрос саму ценность человеческой жизни.

– Каково отношение Православия ко лжи? Всегда ли надо говорить правду? Почему Хам пострадал за то, что рассказал об увиденном?

– Отношение христианства ко лжи в целом отрицательное. «Господь удаляется от человека, творящего ложь», – учил святитель Феофан Затворник.

Лжецом и отцом лжи Священное Писание называет диавола (см.: Ин. 8. 44), причем псалмопевец Давид упоминает о том, что всех «глаголющих лжу» ждет гибель (Пс. 5. 7). А одна из десяти заповедей Господних прямо запрещает произносить ложное свидетельство на ближнего.

В наше время ложь не считается серьезным проступком. Дети лгут родителям, а те вводят в заблуждение своих чад, муж обманывает жену, а она – мужа, основанные на обмане сплетни становятся основой разговоров между друзьями и коллегами, в соцсетях размещаются записи с намерением дискредитировать того или иного человека, оболгав его перед многими людьми. Обычным явлением стали так называемые фейковые новости, распространяемые через интернет и социальные сети.

Хотя ложь кажется сейчас чем-то обычным, к ней не нужно привыкать. Если кто-то старается использовать в своей жизни полуправду, не стоит заблуждаться – то, что не правда, все равно

является ложью. «Нет ничего среднего между Истиной и ложью, но как находящийся вне света, по необходимости, будет во мраке, так и немного отступивший от Истины предоставлен подлежать лжи», – писал святитель Марк Эфесский.

И даже если в крайней ситуации, когда открытие правды могло стать причиной огромной беды для другого человека, вы вынужденно скажете что-то ложное, то, по слову Аввы Дорофея, «и тогда человек не должен оставаться беспечальным, а должен каяться и плакать перед Богом и считать такой случай временем искушения».

Что же касается Хама, о котором рассказывается в Книге Бытия, то, как можно увидеть из библейской истории, он был наказан не за то, что сказал правду, а за то, что посмеялся над отцом, который, будучи в бессознательном состоянии, оказался в неловкой ситуации. Вместо того, чтобы помочь отцу, как это сделали впоследствии его братья, Хам стал рассказывать о случившемся другим, тем самым позоря родителя.

– По каким параметрам наша современная светская этика соответствует православным требованиям?

– Декларируется, что современная светская этика базируется на неких общечеловеческих ценностях. Однако нельзя сказать, что эти ценности изначально и неотъемлемо были присущи человеческому обществу. Изменение нравственной системы, понимания, что хорошо, а что плохо, началось с принятием христианской веры, когда целые народы стали строить свою жизнь на морали, проповедуемой Церковью. Именно благодаря христианскому представлению о высоком достоинстве человека получило осуждение и со временем было отменено рабство, определилась этика межличностных отношений, в определенных культурах изменилось восприятие женщины, было утверждено значение семьи как благословленного Богом института. Нельзя забывать, что и концепция прав человека возникла не без влияния христианского учения о достоинстве человеческой личности и свободе нравственного выбора.

Мыслители эпохи Просвещения и Нового времени постарались отделить этические общественные нормы от их основы – религиозной нравственности, так что можно сказать, что нынешняя светская этика является секуляризированным вариантом церковного нравственного учения.

Однако только в религиозной традиции существует представление об абсолютных нравственных ценностях. Нельзя не заметить становящиеся все более настойчивыми и, к сожалению, успешными попытки изменить устоявшуюся в нашем обществе нравственную систему, подвергнуть ее эрозии в соответствии с современными либеральными воззрениями. Например, понимание ценности человеческой жизни приверженцы таких взглядов не распространяют на время от зачатия до

рождения, при этом заявляется о праве прекратить жизнь человека, если она не соответствует «стандартам» – например, из-за физического или ментального состояния больного, не имеющего надежды на полное выздоровление. Причем такое убийство или самоубийство прикрывают красивым словом «эвтаназия», что значит «хорошая смерть». Воспитанное в христианстве понимание об уникальности каждой человеческой личности, о важности выбора между добром и злом подменяется нескончаемым мѳроком «выбора» сексуальной ориентации и гендерной принадлежности из огромного ассортимента придуманных терминов. Нравственный постулат о необходимости супружеской верности, важности сохранения семьи и ответственности за воспитание детей забывается под лозунгом сексуальной свободы и женского равноправия в таком его понимании, которое совершенно отвергает традиционные роли супругов в семье. Под влиянием ювенальной юстиции отношения детей и родителей превращаются в торговый контракт, что служит вырождению и обесцениваю связей между поколениями. А кампания за уравнивание прав гомосексуальных сожительств с традиционными семьями прикрывает стремление нивелировать различия между пороком и добродетелью.

Современная цивилизация начала отказываться от таких понятий, как добро и зло, правда и ложь, святость и грех, ради заявляемого в качестве цели расширения прав и свобод личности. При этом, несмотря на декларируемые плюрализм и толерантность, повсюду встречаются проявления нетерпимости – эта нетерпимость направлена на религиозную систему нравственности: не только лишают верующих людей возможности реализовать свое понимание этических норм, но и нередко подвергают остракизму тех, кто в публичном пространстве пытается напомнить о ценности нравственных истин. Впрочем, что говорить, если сейчас в западных странах регулярно происходят эксцессы, связанные с запрещением тому или иному верующему человеку демонстрировать свою религиозную принадлежность, например, нося на шее крестик?

Современное секулярное сознание навязывает человечеству представление о том, что всякая нравственность относительна, что она зависит только от господствующих в тот или иной момент общественных взглядов. Однако именно нравственное начало, заложенное Богом в человека, отличает нас от животных. Если нравственность отделить от религии, то есть связи с Богом, она потеряет смысл, ведь, как сказал один из героев Ф.М. Достоевского, «если Бога нет... стало быть, все позволено».

– Одинаково ли понимаются заповеди во всех религиях единобожия?

– Прежде всего, нужно прояснить смысл, вкладываемый в слово «заповедь». В христианстве, например, наряду с десятью заповедями Закона Моисеева есть и Заповеди блаженства, данные Христом.

Если говорить о десяти заповедях, данных пророку Моисею на горе Синай, то они входят в корпус текстов Пятикнижия, которые признаются священными текстами в монотеистических авраамических религиях – христианстве, исламе и иудаизме. Можно сказать, что эти заповеди составляют своего рода нравственный кодекс, характеризующий религиозного человека.

Нередко мы видим попытки отождествлять войну, кровопролитие и терроризм с религией. В ответ на это мы всегда говорим: если люди, считающие себя религиозными, для достижения своей цели прибегают к террору, то они находятся вне всякой религии, потому что ни одна религия не учит убивать беззащитных людей, проливать кровь, уничтожать храмы и творить насилие. Поэтому террористы, какие бы религиозные цели они ни декларировали, являются, по своей сути, антирелигиозными людьми. И ни для кого не секрет, что террористические группировки обслуживают политические заказы.

– Какие можно привести примеры взаимодействия христианских церквей в периоды острого политического кризиса?

– Таких примеров много. Приведу самые свежие. Так, в мае нынешнего года генеральный секретарь Всемирного совета церквей пастор Олаф Фюксе Твейт **направил президенту Украины Петру Порошенко и спикеру Верховной рады Андрею Парубию послания**, в которых выразил глубокую обеспокоенность **перспективой принятия законопроектов**, которые могут поставить под контроль государства деятельность канонической Украинской Православной Церкви. В частности, имеется в виду **законопроект номер 4511** «Об особом статусе религиозных организаций, руководящие центры которых находятся в государстве, которое признано Верховной радой страной-агрессором».

Делегация ВСЦ, возглавляемая генеральным секретарем, посетила Украину с 17 по 20 марта 2015 года и стремилась выразить солидарность с церквями и народом Украины в контексте конфликта в восточной части страны. По итогам визита было опубликовано коммюнике, в котором отмечалось, что Всемирный совет церквей хочет найти пути, благодаря которым он мог бы способствовать прекращению конфликта и установлению справедливого мира на Украине. Организации этого визита содействовала Украинская Православная Церковь, которой руководство Всемирного совета церквей выразило искреннюю признательность. Делегация также узнала о важнейшей роли церквей в оказании гуманитарной помощи населению пострадавших районов, хотя неудовлетворенные потребности людей по-прежнему огромны. Эти впечатления в своей совокупности убедительно свидетельствуют о критической ситуации, в которой оказались наиболее пострадавшие люди и целые сообщества, о срочной необходимости наращивания объемов гуманитарной помощи для них, а также об актуальности разрешения этого конфликта, чтобы не допустить более тяжелые человеческие страдания.

В том же 2015 году был осуществлен масштабный **благотворительный проект помощи беженцам** из Украины. Проект разработан и **реализуется** в Ростовской и Белгородской областях Отделом внешних церковных связей в сотрудничестве с благотворительной организацией «Сума самарянина» (Samaritan's Purse) и Евангелистской ассоциацией Билли Грэма.

Другая острая тема – Ближний Восток и Север Африки. Начало XXI века ознаменовано масштабной волной гонений на христиан в разных регионах мира. В особо бедственном положении находятся христианские общины в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Данный регион стремительно дехристианизируется.

Русская Православная Церковь смотрит на дело оказания помощи гонимым христианам как на свою историческую миссию и традиционно откликается на беду страдающих братьев.

Историческое значение имела **встреча Предстоятелей Русской Православной Церкви и Римско-Католической Церкви в Гаване в 2016 году**. Благодаря подписанному Папой Римским Франциском и Патриархом Московским и всея Руси Кириллом **совместному заявлению**, в котором вопрос гонений на верующих во Христа в различных регионах мира был основным, **тема геноцида христиан** стала, наконец, обсуждаться на многих авторитетных информационных площадках и прочно вошла в актуальную мировую повестку дня.

Вскоре после исторической встречи в Гаване стало успешно развиваться двустороннее взаимодействие в гуманитарной сфере между Русской Православной Церковью и Римско-Католической Церковью. В 2016 году при участии фонда «Кирхе-ин-Нот» совместная православно-католическая делегация **посетила Сирию и Ливан**, встретила с местными духовными лидерами, побывала в местах размещения беженцев в долине Бекаа и провела круглые столы с представителями местных Церквей в Захле и Дамаске. По итогам поездки был составлен иллюстрированный каталог разрушенных сирийских храмов, проекты восстановления которых сейчас прорабатываются.

В деле защиты христиан и оказания им помощи Русская Православная Церковь сотрудничает не только с католиками. В 2016 году Московский Патриархат был одним из инициаторов проведения **Всемирного саммита в защиту гонимых христиан**, призванного привлечь внимание мирового сообщества к этой проблеме. **Саммит**, организованный Евангелистской ассоциацией Билли Грэма в сотрудничестве с Русской Церковью, прошел в Вашингтоне в мае 2017 года. Для участия в форуме прибыли представители различных христианских конфессий из 135 стран. Были представлены Поместные Православные Церкви, Римско-Католическая Церковь, Древние

Восточные Церкви, а также различные протестантские деноминации.

– Каково отношение православных к деньгам? Как у нас воспринимаются американские церкви, которые умудрились подогнать христианское учение под культ наживы? Как наша Церковь относится к тому, что американские проповедники демонстрируют богатство в качестве примера своей вознагражденной набожности?

– Выстраивая свое отношение к деньгам, православные люди должны держать в уме сказанное в Новом Завете: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в Царствие Небесное» (Мф 19. 24; Лк 18. 25).

Что касается американских проповедников, они разные. Вот, например, я упоминал, что американские организации «Сума самарянина» и Ассоциация Билли Грэма, которой руководит Франклин Грэм, евангелический проповедник, материально участвовали в помощи украинским беженцам в Белгородской области. Что касается демонстрации богатства как благословения Божия, то это может быть или извращенное кальвинистское представление о том, что Бог предопределил некоторых людей к вечному спасению, а других – к вечной гибели, независимо ни от каких заслуг самого человека. Так что самый примерный кальвинист никогда не может быть уверен, предопределен он к спасению или к гибели, – все нужно смиренно принимать как волю Божию. Но человек слаб, жаждет он узнать свою посмертную судьбу. Вот и родилось практически народное представление, что если кто-то разбогател, то это знак благоволения Божия.

Или, возможно, имеется в виду некое сектантское направление, названное «теология процветания» или «Евангелие процветания»? Представители этого культа, возникшего в 50-х годах прошлого века, утверждают: Бог заинтересован в том, чтобы люди были финансово обеспечены, имели крепкое здоровье, счастливые браки и в целом жили хорошо. Эта идеология связана с «Движением веры», которое учит, что люди имеют право на основании Библии быть богатыми. Таких верующих довольно много, несколько миллионов. И не только в США. В Россию данный культ пришел через шведскую организацию «Слово жизни».

– Какой Церковь видит перспективу развития человечества? Мы живем в светское время, когда человек является «мерой всех вещей». Но что будет дальше?

– История человечества конечна, и одним из признаков конца времен Евангелие называет то, что «во многих охладает любовь» (Мф. 24. 12). Но хочется надеяться, что человеческая история не зашла еще окончательно в нравственный тупик, из которого уже не будет выхода, а значит – и продолжения истории.

Провозглашенный ныне антропоцентризм таит в себе большие вызовы и немалые опасности. Человек сам по себе изменчив, так может ли быть устойчивым сооружение, воздвигнутое на столь непостоянном основании? Немудрено, что современный мир потрясают все более серьезные политические, экономические, социальные кризисы, но это лишь проекция на разные сферы жизни онтологической проблемы – кризиса человеческой личности. Сегодня мы наблюдаем слом доверия в межличностных и международных отношениях, который вызван всепроникающим эгоизмом, рассматривающим окружающих людей и общество в целом как средство удовлетворения собственных амбиций.

Да и на самом деле сейчас в основе общественных отношений – не человек, а, скорее, рыночный капитал, сквозь призму которого личность рассматривается как просто «человеческий материал», бросаемый в топку перманентной стимуляции спроса и потребления. Именно поэтому «обществом потребления» отвергается свободная и самодостаточная личность – ему нужны обезличенные потребители. Причем в огромный рынок, где каждый пытается найти то, что соответствует его вкусам, превращается все, вплоть до ценностей и понятий, которые доселе считались неизменными – веры, культуры, нравственности, любви к отечеству, семейных связей. Такие понятия, как добро или зло, из абсолютных превратились сегодня в относительные.

Однако именно абсолютные нравственные нормы обеспечивают жизнеспособность и развитие общества, его единство. Принятие нравственного релятивизма в качестве основы жизни подрывает мировосприятие человека, народа, государства, что в конечном итоге приведет к потере духовной и культурной идентичности и, как следствие, – самостоятельного места в истории. Таким образом, нравственный выбор современного человека имеет эсхатологическую перспективу, потому что от того, пойдет он по пути жизни или смерти, зависит ход человеческой истории и ее финал. Восприятие человеком высших ценностей в качестве основы жизни, а не самого себя как меры всех вещей является синонимом выживания. Без этого человеческая цивилизация обречена на исчезновение.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/46872/>